

КОСМОС ПО ФОРМЕ 8-Б

Сборник фантастических рассказов

ТАЙЛЕР НОВАК

18+

Tyler Nowak

Космос по форме 8-Б

<https://litres.ru/74458609>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космос огромен, но даже в нём никто не отменял отчёты, кредиты, инструкции и форму 8-Б.

На далёких планетах войны продолжают после того, как все забыли их причины; терраформаторы решают судьбы целых цивилизаций ради премии; космический дальнбойщик застревает в невесомости в полутора метрах от спасения; искусственный интеллект доводит безобидный приказ до апокалипсиса; а после смерти человеку всё равно приходится разговаривать с клерком.

«Космос по форме 8-Б» — сборник сатирической и мрачной фантастики о войне, бюрократии, технологиях, вере, страхе и цене человеческого выбора. Девять самостоятельных историй объединяют чёрный юмор, космический абсурд и один вопрос: что опаснее — холодная Вселенная или инструкция, написанная людьми?

Содержание

Последний инвентарный номер	4
Сектор абсолютного идиотизма	4
Визит генерала Железнозадого	6
Великое наступление на карачках	7
Межгалактический стандарт	10
Грязь-Прайм и её обитатели	11
Встреча в тумане	13
Обмен премудростями	15
Синяя изолента	16
Жнецы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Tyler Nowak

Космос по форме 8-Б

Последний инвентарный номер

Сектор абсолютного идиотизма

Рядовой Джонни Батц сидел по пояс в траншейной жиже планеты Слякоть-9. Официально эта планета называлась Жемчужина-Виктория, но после того как орбитальные бомбардировщики Империи и Конфедерации пятьдесят лет подряд утюжили ее континенты, жемчугом здесь и не пахло. Пахло палёным пластиком, немытыми телами и переработанным соевым пайком.

Война шла так долго, что центральные компьютеры на Земле уже забыли, из-за чего она началась. Кто-то кому-то не уступил гиперпространственный коридор, или кто-то оскорбил чьего-то посла. Какая разница? Военно-промышленный комплекс требовал крови и налогов.

Джонни Батц был уникальным солдатом. Не потому, что был храбр. Просто он был единственным человеком в 33-м ударном батальоне, у которого оставался один рабочий патрон.

«Солдат! Если у тебя кончились боеприпасы, используй приклад. Если сломался приклад, используй зубы. Если выбили зубы, дезориентируй врага своим героическим и патриотичным кровотечением!» — Из Полевого Устава Космической Пехоты, издание 404-е.

Экономика обеих сторон рухнула десять лет назад. Заводы встали. Логистика превратилась в миф. Последний корабль снабжения скинул на позиции батальона контейнер, в котором вместо плазменных винтовок оказались десять тысяч парадных аксельбантов и ящик леденцов от кашля.

Поэтому патрон Батца — тяжёлая, бронебойная пуля калибра 12 мм — был объектом поклонения. Батц натирал его тряпочкой и прятал на груди, как святыню.

Визит генерала Железнозадого

Внезапно жига в траншее забурилась. Из-за угла, разбрызгивая грязь сверкающими сапогами (как они оставались чистыми — величайшая загадка военной науки), появился генерал Бладхаунд. У него была челюсть, которой можно было колоть орехи, и мозг, который, вероятно, был размером с один из этих орехов.

— Внимание, шваль! — рявкнул генерал, и его усы угрожающе топорщились. — Слушай мою команду! Разведка доложила, что Конфедераты на пределе. Мы переходим в Великое наступление! Мы раздавим их, как клопов!

Батц уныло поднял руку: — Сэр. Разрешите обратиться. — Чего тебе, червь? — Сэр, у нас нет оружия. Мы съели свои ботинки на прошлой неделе. У нас на весь батальон один патрон. Мой. — Отставить пораженческие настроения! — взвизгнул Бладхаунд, брызгая слюной. — У вас есть штыки! У вас есть боевой дух! А твой патрон, рядовой, станет той самой пулей, которая пробьет сердце вражеской обороны! Ты пойдешь в авангарде! За Императора! За Землю! В ата-а-а-аку!

Сзади щелкнули затворы заградотряда генерала. У них патронов тоже не было, но щелкали они очень убедительно.

Великое наступление на карачках

Батц вылез из окопа. Грязь чавкала, пытаясь засосать его обратно, словно предупреждая: «Останься, дурак, тут хотя бы тепло».

Он зарядил свой единственный патрон в ржавую винтовку. Вокруг него из соседних воронок поднимались такие же оборванцы, вооруженные саперными лопатками, кусками труб и теми самыми парадными аксельбантами, которые они намотали на кулаки.

Они брели по нейтральной полосе. Тишина была оглушающей. Батц ожидал, что сейчас заработают пулеметы Конфедерации, лазерные турели превратят их в пепел. Он ждал смерти.

Но туман рассеялся, и Батц увидел Врага.

Навстречу им брела шеренга Конфедератов. На них была синяя форма вместо зелёной. В остальном они выглядели ещё хуже. Впереди шёл высокий, худой парень, который судорожно сжимал в руках нечто, подозрительно напоминающее ржавый мушкет. За его спиной прятался их собственный генерал, размахивающий саблей.

Две армии остановились друг напротив друга. Расстояние — пять метров.

— Стреляй, Батц! — заорал генерал Бладхаунд из безопасной воронки позади. — Уничтожь их командира!

Вражеский генерал, прячась за спинами своих тощих солдат, тоже надрывался: — Огонь, рядовой Смит! Вышиби мозги этому зеленому ублюдку! Это наш последний заряд пороха, не промажь!

Батц посмотрел на парня напротив. Парень по имени Смит посмотрел на Батца. У Смита тряслись губы. Ему было от силы лет восемнадцать.

Батц медленно поднял свою винтовку и прицелился Сми-ту в грудь. Смит поднял свой мушкет и прицелился в Батца.

Секунды растянулись в вечность. Батц вспомнил речи про патриотизм, долг и историческую миссию. А потом посмотрел на грязное, измученное лицо Смита, на его ободранные колени и испуганные глаза.

— Эй, синий, — хрипло сказал Батц. — У тебя там реально последний выстрел? — Ага, — пискнул Смит. — А у тебя? — Тоже один. — И что будем делать? — спросил враг.

Батц вздохнул. Он повернулся спиной к Сми-ту, посмотрел на орущего в траншее генерала Бладхаунда, затем снова на Смита.

— Знаешь, Смит, — Батц опустил винтовку. — Мой патрон стоит сорок имперских кредитов. За сорок кредитов на Земле можно купить две кружки отличного пива. — А мой заряд пороха обошелся налогоплательщикам в полсотни, — поддержал Смит, тоже опуская мушкет. — Это большая порция жареной картошки. — Так какого черта мы собираемся тратить хорошую выпивку и закуску друг на друга?

Батц развернулся на сто восемьдесят градусов. Смит, поняв идею без слов, сделал то же самое.

Два солдата, два врага, вскинули свое единственное, последнее, абсолютное оружие на всей планете Слякоть-9 и одновременно прицелились.

— Что вы делаете, идиоты?! — взвизгнул генерал Бладхаунд, глядя в дуло Батца. — ИЗМЕНА! — завопил вражеский генерал, глядя в дуло Смита.

Батц широко, искренне улыбнулся. Это была первая улыбка на этой планете за последние десять лет.

— Сэр! — крикнул Батц. — Выполняю приказ! Пробиваю сердце вражеской обороны!

Он не нажал на курок. И Смит не нажал. Они просто сделали шаг вперед, навстречу своим командирам. А за ними, бросая в грязь трубы и лопатки, шагнули все остальные солдаты обеих армий.

Когда два генерала бросились бежать прочь по бескрайней, чавкающей грязи, бросив свои фуражки, рядовой Батц вынул свой драгоценный патрон из патронника и закинул его так далеко в инопланетное болото, как только мог.

Война закончилась. Не потому, что кто-то победил. А потому, что кто-то наконец-то решил перестать быть идиотом.

Межгалактический стандарт

Всё началось с того, что коктейль «Слезы Центавра» оказался дьявольски хорош. Макс смутно помнил неоновую вывеску бара на окраине космопорта и приветливого мужчину в безупречно чистой форме, который щедро угощал его за свой счет, попутно рассказывая о «незабываемой романтике дальних рубежей». Макс помнил, как, расчувствовавшись, поставил кривую электронную подпись на каком-то подсунутом планшете.

Он совершенно не помнил, как его грузили в криокапсулу, но зато во всех красках прочувствовал момент пробуждения. Межгалактическое похмелье пульсировало в висках, когда его, переодетого в казенный скафандр, вышвырнули из десантного бота прямо в грязь.

Так Макс-Вольный-Стрелок-из-Бара стал рядовым Максом.

Грязь-Прайм и её обитатели

Планета, на которую его сбросили, не зря носила неофициальное название Грязь-Прайм. Это был унылый кусок склизкой породы в секторе Омега, где единственными признаками цивилизации выступали отпечатки армейских сапог и дымящиеся воронки от орбитальных ударов. Две великие космические армады сошлись здесь в смертельной схватке за стратегически важные залежи абсолютно бесполезного минерала нифигатита.

Врагом человечества были злоеющие Зарги. Как гласили яркие плакаты в казарме:

«Зарг не знает пощады! Зарг питается твоим страхом и пьёт человеческий мозг через хитиновую трубочку! Убей зарга, или он отложит в тебя яйца!»

Придя в себя на дне глубокой воронки, Макс оценил диспозицию. Над головой с омерзительным шипением проносились плазменные заряды. Справа находилась линия фронта Земной Федерации, где окопался взводный сержант Крюк — человек, торжественно пообещавший расстрелять Макса за то, что тот умудрился потерять штык-нож ещё до выхода из атмосферы. Слева расстилалась нейтральная полоса и густой инопланетный туман, за которым прятались позиции Заргов.

Сержант Крюк, обещающий трибунал, пугал Макса гораздо больше, чем гипотетические хитиновые трубочки. К тому

же, где-то в глубине души теплилась надежда, что у инопланетян может найтись хотя бы аналог аспирина. Сжав в руках лазган, батарея которого оказалась разряжена ещё на орбите, Макс пополз в туман.

Встреча в тумане

Нейтральная полоса встретила его хлюпающей жижей и тишиной, прерываемой лишь отдаленными разрывами. Вскоре туман немного рассеялся, и Макс наткнулся на разбитый разведывательный зонд.

Рядом с ним, привалившись к искореженной металлической обшивке, сидело существо в громоздком фиолетовом скафандре. У существа было четыре глаза и жвала, которые сейчас были как-то очень по-человечески, тоскливо опущены вниз.

Это был зарг.

Он заметил Макса. Макс рефлекторно вскинул пустой лазган. Зарг, вздрогнув, направил на него нечто, напоминающее гибрид тостера и дробовика. Они оба замерли, как две испуганные статуи.

Дрожащими пальцами Макс нащупал на воротнике кнопку универсального переводчика.

— Сдаюсь! — хрипло крикнул он, стараясь не делать резких движений. — Только не пейте мой мозг! У меня там после вчерашнего и так ничего не работает, отравитесь!

Из внешнего динамика фиолетового скафандра донесся синтезированный, но явно паникующий голос: — Не подходи, лысая обезьяна! Я сдаюсь первым! И только попробуй отложить в меня свои мерзкие яйца!

Макс удивленно заморгал и медленно опустил бесполезное оружие. Зарг с явным облегчением опустил свой тостер.

Обмен премудростями

Через десять минут они сидели рядом на краю воронки. Зарга звали Гррх. Оказалось, что накануне вечером на своей родной планете он немного перебрал ферментированного сока жужелиц, встретил в таверне очень дружелюбного вербовщика с планшетом, а очнулся уже здесь, в окопе.

— Подожди, — Макс отломил половину безвкусного армейского сухаря и протянул новому знакомому. — Так вы не пьете мозги?

— Мы вегетарианцы, идиот, — обиженно щелкнул жвалами Гррх, принимая угощение. — Наша пропаганда трубит из каждого утюга, что вы, люди — это агрессивные паразиты, которые откладывают яйца в спящих солдат. Нам выдают специальные кляпы на ночь!

— У меня даже анатомически нет для этого приспособлений! — возмутился Макс.

Они посмотрели на свои пушки, затем друг на друга. Война за нифигатит на глазах теряла свои последние, крошечные крупички смысла. Два обманутых, страдающих жутким похмельем существа сидели на куске грязи на краю галактики и чуть было не поубивали друг друга просто потому, что политики на Земле и Зарг-Прайме не смогли договориться о таможенных пошлинах.

Синяя изоленга

Взгляд Макса упал на разбитый разведывательный зонд. У аппарата чудом уцелел модуль дальней связи и малогабаритный гипердвигатель от спасательной капсулы.

— Знаешь, Гррх, — задумчиво произнес Макс, прикидывая в уме технические параметры. — Если мы скрестим мою батарею от лазгана с энергоячейкой твоего тостера, мы сможем завести этот двигатель.

— И куда мы полетим? В трибунал? — скептически буркнул Зарг.

— Нет. В секторе Альфа-Центавра есть нейтральная зона. Говорят, там отличные бары. Никаких вербовщиков, никаких сержантов. Только коктейли и покой. Мы можем дезертировать вместе.

Гррх долго смотрел на землянина всеми четырьмя глазами. Затем он молча полез в свой безразмерный подсумок и достал оттуда моток изоленги.

— Синяя? — с благоговением спросил Макс.

— Межгалактический стандарт, — гордо ответил Зарг.

Спустя три часа, под грохот артиллерийских залпов, крошечная спасательная капсула с человеком и заргом на борту тихо оторвалась от поверхности Грязь-Прайм и растворилась в гиперпространстве.

Где-то там, внизу, две великие армии продолжали бес-

смысленную бойню, твердо уверенные в существовании смертоносных трубочек и мерзких яиц. А рядовой Макс понял главную истину Вселенной: совершенно неважно, сколько у тебя глаз и щупалец, ведь если вы оба ненавидите армейское начальство и любите хорошую выпивку, вы всегда сможете договориться.

Жнецы

К 2060-м годам человечество, наконец, решило все свои внутренние разногласия. Секрет оказался до смешного прост: нужно было просто довести Землю до состояния выжатого лимона, осознать, что ресурсы кончились, и объявить крестовый поход во имя Высшего Человеческого Блага.

Новая идеология была элегантна в своей безжалостности. Космос велик, Земля одна, а людям нужно где-то жить. Следовательно, любая планета, на которой нет людей, считается пустой. А любая форма жизни, которая мешает эту планету заселить — просто «неотформатированной биомассой». Некоторые историки называли это колониализмом, доведённым до космического масштаба. В официальных брошюрах Объединённой Земли термин звучал благороднее: «Тотальный антропоцентризм».

Скетч и Кевин плевать хотели на брошюры. Они были Жнецами.

— Я всё равно не понимаю логики, — проворчал Кевин, отдирая от щеки кусок крио-геля. — Почему мы «Жнецы»? Жнецы собирают урожай. А мы прилетаем на пустую каменюку, сбрасываем капсулы с цианобактериями и улетаем. Мы сеятели! Агрономы!

— Мы жнем премии, Кевин, — философски отозвался Скетч, наливая в пластиковые стаканчики кофе, по вкусу на-

поминавший жидкость для мытья двигателей. — Восемь месяцев в криогенном сне, зато потом капают надбавки за дальность. Не придирайся к словам. Вспомни парней, которые первыми закидывали Венеру. Тот ещё был адок, но зато теперь там хотя бы кислотные дожди стали на пару градусов прохладнее. Процесс пошел.

Их баржа, тяжело груженная цистернами с агрессивной, генетически модифицированной цианобактерией, медленно выходила на орбиту планеты Кеплер-283с. Задача бактерий была проста: сожрать на планете всё, что не прибито гвоздями, переработать атмосферу в кислород, а углерод — в плодородный слой. Процесс занимал от пятисот до тысячи лет, но Земля умела ждать.

Кевин сел за пульт сканера, сделал глоток отвратительно-го кофе и поперхнулся.

— Эй, Скетч. У нас проблема. — Скажи мне, что это не поломка сбрасывателя. Если мне снова придется лезть в шлюз в скафандре, я подам жалобу в профсоюз. — Хуже, — Кевин побледнел и вывел изображение на главный экран. — Планета не пустая.

Скетч подошел ближе. Сквозь редеющие облака Кеплера-283с отчетливо проступала геометрия. Ровные квадраты полей, прямые линии дорог, скопления аккуратных, хотя и примитивных каменных строений. В ночной зоне планеты робко мерцали огни городов.

— Ого, — уважительно протянул Скетч. — Аквадуки. И,

кажется, у них там что-то вроде ранней паровой тяги. Молодцы ребята. — Скетч, ты не понял! — Кевин в панике застучал по клавиатуре. — Там цивилизация! Миллионы жителей. Сканеры показывают гуманоидную форму жизни. Ну, почти. У них по четыре руки и хвост, но они разумны!

На мостике повисла тишина. Журчал только кофейный аппарат.

В инструкции Жнецов этот момент был прописан в параграфе 12, пункте «Б»: «В случае обнаружения некаталогизированной флоры, фауны или иных препятствий, продолжать процедуру терраформирования согласно графику. Вселенная принадлежит Человеку».

— Если мы сбросим бактерии, — севшим голосом сказал Кевин, — они сожрут их. Цианобактерии переработают их города, их поля, их самих в гумус. Мы убьем целую расу. — Не убьем, а произведем вынужденную экологическую реструктуризацию, — поправил его Скетч, цитируя памятку. — Кевин, не драматизируй. — Скетч, это геноцид! — Кевин, это контракт! — Скетч развернулся к напарнику. — Слушай сюда. Если мы сейчас разворачиваем корабль, мы проваливаем задание. Корпорация списывает с нас стоимость топлива за шестнадцать месяцев полёта. Мы остаемся должны Земле столько, что наши правнуки будут работать в урановых шахтах на Плутоне. А эту планету всё равно залиют бактериями в следующем месяце другие Жнецы.

Скетч подошел к панели управления и ласково погладил

кнопку сброса.

— А если мы выполним работу, — его голос стал вкрадчивым, как у дьявола-искусителя, — мы получим Премию. С большой буквы. Кевин сглотнул. Он знал, о чем речь. — Земельный участок, Кевин. Настоящая, мать её, земля на матушке-Земле. Не гидропоника на орбитальной станции. Не бетонная коробка в мегаполисе. Пять соток в жилом секторе. Ты сможешь посадить там картошку. И укроп. Представляешь? Настоящий укроп, растущий из настоящей грязи.

Кевин посмотрел на экран. Четырехрукие аборигены внизу, ничего не подозревая, спешили по своим делам, любили, спорили, строили свои смешные паровые машины.

Потом он вспомнил свою каюту на Земле площадью четыре квадратных метра, где вместо окна был экран, транслирующий рекламу соевых батончиков. Он вспомнил запах свежего укропа, который чувствовал один раз в жизни, в музее ботаники, когда ему было десять лет.

— Мы чудовища, Скетч, — тихо сказал Кевин. — Мы наемные работники, Кевин. Чудовища сидят в офисах и подписывают бумаги. Мы просто нажимаем кнопку.

Кевин закрыл глаза. Видение зелёного земного участка, залитого солнцем, где он мог бы поставить шезлонг и выращивать зелень, оказалось сильнее моральных терзаний о судьбе четырехруких инопланетян. В конце концов, подумал он с внезапным стыдом, в корпоративной инструкции они вообще не считались гражданами.

— Делай, — выдохнул он.

Скетч удовлетворенно хмыкнул и нажал красную кнопку. Глухо ухнули магнитные замки. Тонны зелено-голубой слизи устремились к экватору планеты. Через несколько дней эта слизь начнет агрессивно поглощать биосферу Кеплера-283с, освобождая место для грядущих поколений человечества.

Скетч быстро застучал по клавиатуре, заполняя отчет. «Планета: Кеплер-283с. Статус до прибытия: безжизненна, присутствуют незначительные неразумные органические соединения. Статус после: засеяна. Прошу перечислить бонус на счет экипажа».

Система мигнула зеленым. «Отчет принят. Бонус одобрен. Поздравляем, граждане Жнецы! Ваш участок земли успешно зарегистрирован».

— Да! — Скетч победно вскинул кулак. — Я же говорил! Давай, Кевин, смотри координаты! Где наша фазенда? Южная Америка? Европа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.